

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

В ЗАЩИТУ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСТЕРНАЛИЗМА. АРГУМЕНТЫ ХИЛАРИ ПАТНЭМА

Putnam H. Naturalism, Realism, and Normativity. Cambridge:
Harvard University Press, 2016. 238 p.

Джохадзе Игорь Давидович – кандидат философских наук, заведующий сектором современной западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: joe99@mail.ru

В книге «Натурализм, реализм и нормативность» Хилари Патнэм выдвигает ряд аргументов в защиту семантического экстернализма, доказывая, что не только значения терминов естественного языка, но сами мысли и представления «не локализованы в головах» людей, на этом языке говорящих и думающих. Патнэм отвергает тезис Джона Макдауэла об изначальной концептуальности квалитативного опыта. Чувственные ощущения, по его убеждению, «не играют особой эпистемической роли», поскольку лишены пропозиционального содержания. Концептуально артикулированы апперцепции, а не квалиа, считает философ.

Ключевые слова: метафизический реализм, экстернализм, концептуальная относительность, апперцепция, квалиа, Макдауэл, Ноэ, Джеймс, Дэвидсон

Последняя книга Хилари Патнэма (1926–2016) интересна не только своим содержанием, но и формой. По сути, это развернутый комментарий автора к собственным сочинениям десяти-, тридцати- и пятидесятилетней давности, местами напоминающий интеллектуальный дневник, обильно сдобренный самоцитированием и личными воспоминаниями. Уже по одним названиям глав и параграфов книги можно судить о характере и направленности философских исканий «гарвардского Протея»: от раннего функционализма и натурализма (1 и 2 гл.) через прагматический реализм (3 гл.) к зрелой постфеноменалистской теории восприятия, «транзакционализму» (4 и 5 гл.). В полемике с оппонентами и в диалоге с самим собой Патнэм пытается доказать, что он вовсе не тот, за кого его принимают, точнее, принимали в разные годы на разных этапах его профессиональной карьеры: ни научный реалист в классическом понимании (60–70-е гг.), ни «верификационист» (80-е гг.), ни «концептуальный релятивист» (1990–2000-е гг.). Кто же тогда?

В свое время Патнэм¹ выдвинул ряд аргументов против так называемого метафизического реализма – философского воззрения, согласно которому «мир может быть разделен на объекты и свойства, существующие независимо от человеческого сознания, и притом одним-единственным правильным способом» (с. 24)². Теперь Патнэм считает, что его критика была недостаточно четко артикулирована, а потому ложно интерпретировалась. «Я ошибался, используя “метафизический реализм” – термин, имеющий широкое применение и охватывающий целый ряд философских подходов и теорий, – так, как если бы он относился только к *одной* позиции, которую я рассматривал. Отвергая ее, я де-факто отвергал и все другие позиции из этого ряда» (с. 24–25).

Как известно, антиметафизическая направленность доминировала в англоязычной аналитической философии в период ее становления и институционального оформления (в 1940–1950-е гг., в пору студенчества Патнэма), однако определяющего влияния на последующее развитие этой традиции она не оказала. «Старые» проблемы метафизики (реализм vs идеализм, сознание–тело, универсалии, онтология возможных миров) спустя какое-то время вернулись в аналитическую философию. «Раньше, – вспоминает Патнэм, – я довольно часто высказывался о “метафизике” в уничижительном смысле (влияние моих учителей Куайна и Рейхенбаха слишком явно давало себя знать)... На самом деле, однако, я всегда придерживался определенных метафизических взглядов» (с. 92). Убеждение Витгенштейна и логических позитивистов в бессмысленности метафизики фактически само лишено философского смысла, соглашается с мнением Вайсмана³ Патнэм. «Когда я читаю тексты Платона, или Аристотеля, или Маймонида, или Канта, или даже Гегеля, я не нахожу их буквально бессмысленными, хотя многие идеи названных авторов кажутся мне безнадежно ошибочными» (с. 154). Патнэм «образца 2015 года» прямо заявляет, что считает себя «реалистом в метафизике» (с. 25), только реализм (метафизический) больше не сводится им к пониманию истины как отношения «грубого соответствия» между терминами и их референтами и к допущению одного исчерпывающе полного и достоверного описания мира – реальности *как она есть*. Такая узкая трактовка уже неприемлема для него.

Argumentum primatum Патнэма – указание на возможность теоретически несовместимых, но эмпирически эквивалентных описаний реальности. Устанавливая различные концептуализации некоторой совокупности фактов (дескриптивного материала) и с равным основанием претендуя на истинность, эквивалентные описания (например, матричная и волновая теории в физике) разрушают миф о «корреспонденции» – одно-однозначном соответствии знания объективной реальности. «То, чему должно соответствовать высказывание, претендующее на “истинность”, в разных языковых играх будет различным» (с. 95). Иными словами, всякое описание «объективного мира» является, во-первых, *описанием* мира (прагматический аргумент против «метафизического» – в узко-доктринальном смысле – реализма), а во-вторых, описанием *мира* (реалистический аргумент против релятивизма и солипсизма). Акцентируя концептуальную относительность (conceptual relativity), Патнэм остается верен своей прежней стратегии, пытаясь, как он сам объясняет, провести корабль философии «между Сциллой солипсизма и Харибдой метафизического реализма» (с. 120).

¹ См., например: Putnam H. Realism and Reason. Camb., 1983.

² Здесь и далее в круглых скобках ссылки на рецензируемое издание.

³ См.: Waismann F. How I See Philosophy // Contemporary British Philosophy: Personal Statements. Third Series. L., 1956. P. 489.

За эту приверженность идее концептуальной относительности («концептуальный плюрализм») и вытекающую отсюда релятивизацию знания Патнэм критиковал Дональд Дэвидсон⁴. Утверждение о том, что «высказывания двух разных людей могут противоречить друг другу, оставаясь, тем не менее, истинными “для каждого из говорящих”», не поддается рациональному постижению, считает Дэвидсон. «Трудно представить, – говорит он, – на каком языке эта мысль может быть... непротиворечиво выражена»⁵. Однако, возражает Патнэм, концептуальный плюрализм как раз и настаивает на том, что теоретически несовместимые, но эквивалентные описания *не противоречат* друг другу и являются взаимопереводимыми; истинность одного описания не исключает истинности другого. К примеру, «возможному миру» Карнапа, состоящему из трех неделимых объектов (x_1, x_2, x_3), соответствует эквивалентный ему «мир» Лесневского, состоящий из семи объектов ($x_1; x_2; x_3; x_1+x_2; x_1+x_3; x_2+x_3; x_1+x_2+x_3$). Реальны ли объекты Лесневского, существуют ли мереологические суммы или только мысленно полагаются нами? Ответ зависит от нашей концептуальной установки, от выбора того или иного «диспозитивного языка» (с. 84) – в данном случае это язык теории множеств или язык мереологии. Ни философия, ни математика, ни другие науки не располагают объективно-нейтральным, концептуально не «инфицированным» языком наблюдения и описания. Однако признание концептуальной относительности не мешает нам говорить о «соответствии» (correspondence) наших высказываний реальности. Просто надо иметь в виду, что в разных языковых играх то, что мы называем «реальным» (чему должны *соответствовать* истинные высказывания), тоже будет разным; у каждого диспозитивного языка «своя собственная “онтология”» (с. 85).

На первый взгляд может показаться, что грань между реализмом и антиреализмом в философских построениях зрелого Патнэма практически стерлась (уже сочинения 1980–90-х гг., прежде всего «Разум, истина и история»⁶, давали повод так думать). Однако это обманчивое впечатление. Во-первых, Патнэм не отрицает «каузальную независимость объектов реальности от человеческого сознания» (с. 76); во-вторых, он не является сторонником той разновидности эпистемологического антиреализма, которая ставит научную или философскую истину в прямую зависимость от нашей способности к верификации. С одной стороны, рассуждает Патнэм, имеется большой класс понятий и суждений, которые могут рассматриваться как (предположительно) истинные, несмотря на отсутствие необходимых для их подтверждения/верификации условий (например, «земляне – единственные разумные существа во Вселенной»). Истинность этого и подобных суждений недоказуема, так что бессмысленно даже ставить вопрос о благоприятных, тем более идеальных условиях верификации. Неверифицируемость утверждений не делает их когнитивно пустыми и бессодержательными, не исключает их неассерторического использования и адекватного понимания собеседниками. С другой стороны, любое эпистемически обоснованное суждение, являющееся частью теории, признаваемой истинной, может быть *метафизически* ложным – даже в случае, если отсутствуют условия, необходимые для его фальсификации, т. е. подтверждения его ложности. «Например, у нас могут быть веские основания полагать, что на далеких планетах обитают разумные существа, кото-

⁴ См.: Davidson D. The Structure and Content of Truth // Journal of Philosophy. 1990. Vol. 87. No. 6. P. 279–328.

⁵ Ibid. P. 307.

⁶ Putnam H. Reason, Truth and History. Camb., 1981.

рые шлют сигналы, фиксируемые земной аппаратурой. Однако эти сигналы, “подтверждающие” существование инопланетной цивилизации, могли бы вызываться низкочастотными колебаниями совершенно иного происхождения... Если метафизическим реализмом считать теорию, которая настаивает на том, что истина не тождественна обоснованной утверждаемости (даже в эпистемически идеальных условиях), то я – такой реалист» (с. 26–27).

Говоря об «эпистемически идеальных условиях», Патнэм имеет в виду концепцию истины как идеализированной рациональной приемлемости, которую он защищал в 1980-е гг. и от которой впоследствии отказался (с. 153). Ныне он трактует метафизический реализм широко – настолько, что реалистом оказывается и Тайлер Бёрдж с его «социальным экстернализмом», и даже многолетний оппонент Патнэма Ричард Рорти с его фаллибилистской трактовкой истины. Рациональная приемлемость (обоснованность) наших оценок и верований не равнозначна их истинности, утверждает Патнэм. Однако в том же ключе рассуждает и Рорти. По его мнению, предикат «истинно» философски корректно и практически целесообразно использовать лишь в негативно-ограничительном смысле – как «предостерегающее» (*cautionary*) указание на возможное в будущем опровержение (наши суждения могут быть обоснованными – на *данный* момент, в *данном* контексте и для *данной* аудитории, – не будучи истинными)⁷. Вот только реалистом, тем более «метафизическим», Рорти никак не назовешь!

Отдельного рассмотрения заслуживает 12-я глава книги Патнэма (“*The Development of Externalist Semantics*”), посвященная семантическому экстернализму. Значение лингвистических терминов, доказывает автор, задается внешними сознанию факторами, такими как каузальная цепь или номологическая (законосообразная) связь выражения (термина) и обозначаемого предмета, а также социальными практиками. Выводы экстернализма подтверждаются фактами из реальной истории физики, математики и других наук (а не только придуманным экспериментом «Земля и ее Двойник», о котором Патнэм то и дело ностальгически вспоминает (с. 208–209, 217–218)). В классической физике XIX в. кинетическая энергия тела выражалась формулой $\frac{1}{2}mv^2$, а в специальной теории относительности Эйнштейна – $mc^2/\sqrt{1 - v^2/c^2}$. Из этого не следует, что термином «кинетическая энергия» в 1899 г. обозначалась одна физическая величина, а в 1905 г. – другая. Употребляя этот термин сегодня, мы говорим *о том же самом*, о чем говорили физики до Эйнштейна, но теперь мы значительно лучше понимаем природу описываемого явления. Точно так же референция термина «атом» не изменилась, когда физики отказались от «планетарной» модели атома в пользу квантово-механической; просто наука сделала еще один шаг к пониманию того, что представляют собой *реальные* атомы. Отсюда следует, резюмирует Патнэм, что референция терминов («атом», «энергия» и т. п.) определяется не ментальными состояниями носителей языка (членов того или иного лингвистического сообщества), а «самими вещами», т. е. *внешними* факторами (с. 201–202).

Согласно экстернализму Патнэма, решающая роль в установлении референции принадлежит двум нементальным факторам: природному и социальному. Для того чтобы понимать смысл какого-либо слова (например, «золото» или «алюминий»), не обязательно владеть всей совокупностью информации, позволяющей точно распознать обозначаемый этим словом естественный вид, – достаточно, чтобы соответствующей информацией владели эксперты (способные отличить *aurum* или *aluminium* от других химических

⁷ См.: Rorty R. Truth and Progress. Camb., 1998. P. 60–61.

элементов). Именно эта «экспертная» информация, а не случайные и неполные представления членов языкового сообщества, определяет референцию терминов естественных видов. В каждом сообществе, рассуждает Патнэм, практикуется лингвистическое разделение труда (*the linguistic division of labor*), т. е. в языке имеются термины, точное значение которых известно не всем носителям данного языка, а лишь какой-то подгруппе – специалистам. «Я не только могу не уметь отличать одни виды деревьев или растений от других, например, вяз от ольхи, но я и *не обязан* уметь это делать, – поясняет Патнэм. – Если нужно установить, является ли дерево вязом, я могу обратиться за помощью к человеку, который разбирается в предмете лучше меня» (с. 206). Кроме того, референция терминов, как уже было сказано, зависит от «реальной природы» объектов, служащих образцами обозначаемых ими естественных видов, и отчасти определяется *индексально* (природный фактор). Оба указанных фактора, природный и социальный, не учитываются семантическим интернализмом, трактующим человеческое познание как чисто индивидуальный процесс. Игнорировать разделение лингвистического труда – значит упускать из виду социальный аспект познания («не замечать других людей»); игнорировать индексальность – значит недооценивать вклад, вносимый окружающей средой, «миром».

Целью мысленного эксперимента «Земля и ее Двойник», ставшего известным после выхода в свет статьи Патнэма «Значение и референция» (1973), было доказать: «значения не локализованы в головах пользователей языка» (с. 206). Этот тезис – *locus classicus* семантического экстернализма. Но Патнэм идет дальше и утверждает: не только слова естественного языка, но и сами мысли, которые мы выражаем с их помощью, «имеют значение лишь в контексте наших трансакций с объектами окружающего мира и с другими людьми»; а если «мысли – не в головах, сознание (*mind*) – тоже» (с. 210)⁸.

Свой трансакционализм Патнэм противопоставляет классическому феноменализму, редуцирующему все содержание человеческого знания к чувственным компонентам (ощущениям, сенсациям, квалиа и т. п.). Основанием и последней реальностью нашего знания о чем бы то ни было, согласно Расселу, являются чувственные данные, которые, по его выражению, «находятся целиком в наших личных пространствах»⁹ – в пространстве видения, осязания и т. д. Однако такой феноменалистский подход неизбежно заводит философскую мысль в тупик скептицизма, считает Патнэм: «Если в нашем распоряжении нет ничего, кроме личных данных (*private data*), тогда все мы – “Болотные люди”»¹⁰. Болотный человек испытывает определенные

⁸ Об этом подробнее см.: *Вострикова Е.В.* Знание и каузальное обоснование // *Логос*. 2009. № 2(70). С. 63 и далее (§ 6: Почему семантический экстернализм не доказывает истинности экстернализма относительно ментального содержания).

⁹ *Russell B.* *The Problems of Philosophy*. Oxf., 1912. P. 29.

¹⁰ «Болотный человек» (“Swampman”) – мысленный эксперимент Дональда Дэвидсона (см.: *Davidson D.* *Knowing One’s Own Mind* // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1987. Vol. 60. No. 3. P. 441–458), придуманный в развитие эксперимента «Земля и ее Двойник». В кратком изложении его сюжет следующий: Дэвидсон отправляется на прогулку по болоту и останавливается под деревом переждать грозу. Ударившая молния расщепляет его тело на молекулы и по невероятному стечению обстоятельств создает из дерева точную копию Дэвидсона. Это существо, Болотный человек, «узнает» друзей Дэвидсона, «припоминает» какие-то истории из «личной» жизни. На самом деле, однако, ему нечего вспоминать, так как все это происходило не с ним. Его «мысли» не являются мыслями. В отличие от настоящего Дэвидсона, у Болотного человека нет собственной «каузальной истории». Эксперимент демонстрирует, что личность – это не только физическое тело и мозг человека, но также история его взаимоотношений (трансакций) с окружающим миром, с другими людьми и предметами.

ощущения, но внешний мир остается для него “закрытым”: он не в состоянии вывести существование мира из своих ощущений. Проблема в том, что Болотный человек не обладает понятиями, а следовательно... у него нет и восприятий – “апперцепций”. Знание не есть результат интеракций с ментальными содержаниями-объектами в личном пространстве; оно является результатом взаимодействия нашего организма с тем, что его окружает, включая культурную и языковую среду» (с. 226).

Патнэм здесь апеллирует к Уильяму Джеймсу и проводимому им различению *ощущений* и *апперцепций*, в «неслиянном единстве» представленных в нашем чувственном опыте. «Ощущения и апперцептивные идеи прочно связаны друг с другом, – цитирует он Джеймса. – Сказать, где начинаются одни и кончаются другие, не легче, чем зрительно провести линию, отделяющую декорации круговой панорамы от расписанного художником заднего полотна»¹¹. Феноменальный характер наших непосредственных восприятий, «перцептов», зависит от того, какими понятиями – «концептами» – мы обладаем и оперируем, поясняет Патнэм. Например, характер восприятия знака или слова, составленного из букв алфавита, незнакомого воспринимающему субъекту, будет существенным образом отличаться от характера восприятия этих же знаков субъектом, являющимся носителем языка. Когда англофон видит табличку с надписью “STOP”, осознание им непосредственно данного в восприятии (сочетания “S”, “T”, “O” и “P” на табличке) «прочно связано», по Джеймсу, с пониманием того, о чем эта надпись сигнализирует. Человека, не «считывающего» знаки, Патнэм сравнивает с ребенком, не владеющим речью. «Если использовать терминологию Канта, можно сказать, что до-дискурсивные существа – дети в первые месяцы жизни и животные – только *испытывают* боль, однако им недоступна *апперцепция* боли; иначе говоря, они не осознают боль как именно боль» (с. 149). То есть связь ощущений и апперцепций, при всей ее прочности и определенности, не абсолютна; «перцепты» возможны *и без* «концептов»; *не весь* чувственный опыт концептуально артикулирован.

Настаивая на этом, Патнэм открыто полемизирует с Джоном Макдауэлом и теми, кто разделяет его убеждение в изначальной концептуальности опыта (квалиа, восприятий, поведенческих реакций и т. д.)¹². Ощущения без понятий не просто слепы, они невозможны, считает Макдауэл. Патнэм возражает: разве наше восприятие новизны – наш опыт первоначальных переживаний – не свидетельствует об обратном? Вспоминая раннее детство, мы часто заново переживаем состояния, которые в момент их возникновения никакой концептуально-смысловой нагрузки не несли. Наше *воспоминание* о каждом из таких ощущений концептуализировано, но *сами ощущения* – нет (с. 147). «Я убежден в существовании квалитативного и неконцептуального измерения опыта, подлежащего научному рассмотрению, – говорит Патнэм. – ...Имеются квалиа, в изучении нейрофизиологической природы которых мы можем существенно продвинуться и *в действительности* продвинулись за последнее время» (с. 156). Маловероятно, однако, что эти исследования приблизят нас к пониманию того, как «работает» наша мысль (в отличие от функционирования мозга), считает Патнэм. На самом деле, в основании нашего знания лежат *апперцепции*, а вовсе не квалиа. Субъективные впечатления (*impressions*) и *ощущения* (*sensations*) «не играют особой эпистемической роли» (с. 164), т. к. лишены «пропозиционального содержания» (с. 194).

¹¹ James W. Essays in Radical Empiricism. Camb., 1976. P. 16.

¹² См.: McDowell J. Mind and World. Camb., 1994. P. 67, 89–90.

В своей книге Патнэм значительное внимание уделяет проблеме *амодальности* восприятия. Сам термин («амодальная апперцепция» или «амодальное восприятие») он заимствует у А. Ноэ. Эмпирический опыт, по словам Патнэма, всегда превосходит объем данного нам в действительности – непосредственно видимого, слышимого, осязаемого. Когда мы смотрим на какой-то предмет, например яблоко, мы видим только обращенную к нам его часть, однако это не мешает воспринимать предмет целостно. Видимая сторона яблока – часть, непосредственно схватываемая в восприятии, или данная в презентации, – аппрецирует невидимую тыльную сторону, воспринимаемую как бы опосредованно, или «амодально». Говоря о таких апперцепциях, исследуя их природу и функции, Ноэ акцентирует роль сенсомоторных навыков¹³ (нам заранее известно, каким «окажется» яблоко, если взять его в руки, рассмотреть с разных сторон, разрезать на части и т. д.), однако упоминает и о возможности «мысленного конструирования» объекта. «В действительности мы имеем здесь нечто большее, чем возможность, – считает Патнэм. – Моя уверенность в том, что компьютер, который стоит на моем рабочем столе, является именно компьютером, а не чем-то еще, не сводится только к “сенсомоторным” предощущениям (expectations)» (с. 150)¹⁴. Все сказанное Макдауэлом о чувственном опыте справедливо, но лишь применительно к апперцепциям, в том числе апперцепциям амодальным, заключает Патнэм. «Концептуально (но не инференциально) артикулированы... апперцепции, а вовсе не *ощущения*... Если “минимальный эмпиризм” Макдауэла настаивает на противоположном, тогда он эмпиричен сверх меры» (с. 151).

Джон Макдауэл – не единственный визави Хилари Патнэма в «Натурализме, реализме и нормативности». Не ограничивая никакими заранее установленными концептуальными рамками круг рассматриваемых тем, перебирая один аргумент и мысленный эксперимент за другим, автор полемизирует с Бернардом Уильямсом, Ричардом Бойдом, Уиллардом Куайном, Майклом Даммитом, Эрнстом Соса и... Хилари Патнэмом. Верный принципу *de omnibus dubito*, американский философ и в свои без малого девяносто не утратил способности к самокритике (наверное, самая частая фраза в книге – «я *ошибался*»)¹⁵. Интеллектуальная добросовестность, требовательность к себе и другим, строгость и лапидарность аргументации всегда отличали Патнэма-аналитика. Таким он предстал и в своей новой книге, которая оказалась прощальной.

¹³ Подробнее см.: *Иванов Д.В.* Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 88–104.

¹⁴ Стоит заметить, что феномен «целостности восприятия» хорошо известен и экспериментально исследован, в частности, в гештальт-психологии и феноменологии. См., например, «Картезианские медитации» Гуссерля (§ 55): «Следует проводить различие между тем, что воспринято [в предмете] непосредственно, и избытком – тем, что непосредственно в нем не воспринимается, но все же присутствует. ... Любое восприятие такого типа является трансцендирующим; оно полагает нечто большее, чем присутствие-здесь (Selbst-da), чем то, что оно каждый раз действительно делает присутствующим (präsent)» (*Гуссерль Э.* Избр. работы. М., 2005. С. 412).

¹⁵ Над Патнэмом часто подшучивали за легкость, с которой он менял свои убеждения и доктрины. В юмористическом «Философском лексиконе», редактируемом Д. Деннетом, даже появилась статья об этом: «Хилари – короткий, но продуктивный период в карьере признанного философа. Пример словоупотребления: “об этом я думал три или четыре хилари тому назад”» (*Dennett D.* The Philosophical Lexicon. 2008 ed. // URL: <http://www.philosophicallexicon.com/#H> (дата обращения: 27.10.2016)).

Список литературы

- Вострикова Е.В.* Знание и каузальное обоснование // *Логос*. 2009. № 2(70). С. 54–66.
- Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
- Иванов Д.В.* Энактивизм и проблема сознания // *Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 49. № 3. С. 88–104.
- Davidson D.* Knowing One's Own Mind // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1987. Vol. 60. No. 3. P. 441–458.
- Davidson D.* The Structure and Content of Truth // *Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87. No. 6. P. 279–328.
- Dennett D.* The Philosophical Lexicon. 2008 ed. // URL: <http://www.philosophicallexicon.com/#H> (дата обращения: 27.10.2016).
- James W.* Essays in Radical Empiricism / Ed. by R.B. Perry. Camb.: Harvard University Press, 1976. 279 p.
- McDowell J.* Mind and World. Camb.: Harvard University Press, 1994. 191 p.
- Putnam H.* Reason, Truth and History. Camb.: Cambridge University Press, 1981. 222 p.
- Putnam H.* Realism and Reason. Camb.: Cambridge University Press, 1983. 312 p.
- Rorty R.* Truth and Progress. Camb.: Cambridge University Press, 1998. 355 p.
- Russell B.* The Problems of Philosophy. Oxf.: Oxford University Press, 1912. 167 p.
- Waismann F.* How I See Philosophy // *Contemporary British Philosophy: Personal Statements. Third Series* / Ed. by H.D. Lewis. L.: George Allen and Unwin, 1956. P. 447–490.

In defense of semantic externalism.

Hilary Putnam's arguments

Putnam H. Naturalism, Realism, and Normativity.
Cambridge: Harvard University Press, 2016. 238 p.

Igor Dzhokhadze

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: joe99@mail.ru

In his *Naturalism, Realism, and Normativity*, Hilary Putnam puts forward a number of modified arguments in defense of semantic externalism, arguing that not only “meanings aren’t in the head”, but our thoughts and ideas as well. Reference of the terms used in speech, as well as content of statements and representations, is determined not by mental states of a speaker (member of some linguistic community), but by “the environment itself”, i.e. external factors – natural and social. Putnam refuses to endorse John McDowell’s claim that all perceptual experiences are initially conceptualized. On his view, sensations “play no special epistemic role”, for they lack propositional content. It is apperceptions that are conceptually articulated, not qualia, Putnam insists.

Keywords: metaphysical realism, externalism, conceptual relativity, apperception, qualia, McDowell, Noë, James, Davidson

References

- Davidson, D. “Knowing One’s Own Mind”, *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1987, Vol. 60, No. 3, pp. 441–458.
- Davidson, D. “The Structure and Content of Truth”, *Journal of Philosophy*, 1990, Vol. 87, No. 6, pp. 279–328.

Dennett, D. *The Philosophical Lexicon*, 2008 ed. [<http://www.philosophicallexicon.com/#H>, accessed on 27.10.2016].

Husserl, E. *Izbrannye raboty* [Selected Works], ed. by V. Kurennoi. Moscow: Territoriya Budushchego Publ., 464 pp. (In Russian)

Ivanov, D. "Jenaktivizm i problema soznaniya" [Enactivism and the Problem of Consciousness], *Jepistemologija i filosofija nauki*, 2016, Vol. 49, No. 3, pp. 88–104. (In Russian)

James, W. *Essays in Radical Empiricism*, ed. by R.B. Perry. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 279 pp.

McDowell, J. *Mind and World*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 191 pp.

Putnam, H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 222 pp.

Putnam, H. *Realism and Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 312 pp.

Rorty, R. *Truth and Progress*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 355 pp.

Russell, B. *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1912. 167 pp.

Vostrikova, E. "Znanie i kauzal'noe obosnovanie" [Knowledge and Causal Justification], *Logos*, 2009, No. 2(70), pp. 54–66. (In Russian)

Waismann, F. "How I See Philosophy", *Contemporary British Philosophy: Personal Statements. Third Series*, ed. by H.D. Lewis. London: George Allen and Unwin, 1956, pp. 447–490.